

3. Qu. on the book: The beginnings of Euclid. M.–L., 1948. T. 1. The book. 1–6. P. 368.
4. Kolychev P. M. Category of the relationship. SPb., 2006. With. 11, 37, 98 and others.
5. Kolychev P. M. Decree. op. P. 17, 20.
6. Kolychev P. M. Decree. op. P. 29, 32.
7. Ushakov E. V. Introduction to the philosophy and methodology of science. M., 2005. P. 105.
8. Kondakov N. I. A logical dictionary-reference. M., 1975. S. 567.
9. Kondakov N. I. Decree. op. P. 568.
10. Hegel. Encyclopedia of Philosophical Sciences. M., 1974. T. 1. P. 274.
11. Ivin A. A. Logic : textbook. M., 2000. P. 44.
12. Getmanova A. D. A textbook on logic. M., 1994. P. 34–35.
13. Problems of the general theory of law and the state / under total. ed. V. S. Nersesyantsa. M., 2004. S. 478; Syrykh V. M. Theory of State and Law. M., 2002. P. 343.
14. The course of Russian criminal law: general part / ed. V. N. Kudryavtseva, A. V. Naumova. M., 2002. P. 144.
15. Course of Criminal Law: general part / ed. N. F. Kuznetsova and I. M. Heavy. M., 1999. T. 1. P. 160.
16. Golichenkov A. K. Environmental law of Russia: a dictionary of legal terms. M., 2008. P. 377.
17. Kudryavtsev V. N. General theory of the qualification of crimes. M., 1999. P. 126–128.

О ЦЕЛЯХ И СРЕДСТВАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Кленова Татьяна Владимировна,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,
доктор юридических наук, профессор
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С. П. Королева,

443086, Самарская область,
г. Самара, Московское шоссе, д. 34
ssau@ssau.ru
Klenova_tatiana@mail.ru

***Аннотация.** В статье анализируются экологическая уголовная политика и нормы об экологических преступлениях уголовного законодательства Российской Федерации. На основании системного анализа санкций статей главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации сделан вывод, что государственная власть недостаточно учитывает общественную опасность экологических преступлений и оценивает их с экономических позиций, как если бы они совершались в сфере экономической деятельности. По мнению автора статьи, критериями правильной экологической уголовной политики является обеспеченность безопасности не только личности и общества, но и государства. Экологические преступления угрожают государственной безопасности, поскольку разрушающе воздействуют на население и территории (базовые компоненты государства). В соответствии с целью обеспечения экологической безопасности должны выполняться задачи гарантирования рационального использования природных ресурсов в соответствии с закономерностями организации жизни, а также охраны окружающей среды.*

***Ключевые слова:** экологические преступления, экологическая уголовная политика, санкции норм об экологических преступлениях, уголовная ответственность юридических лиц.*

OPPOSING ENVIRONMENTAL CRIME: GOALS AND MEANS

Tatiana Klenova,
doctoral degree in law, professor, head of Criminal Law
and Criminology Department, Samara University,
443086, Volga Federal district, Samara oblast, Samara,
Moscow shosse, 34
ssau@ssau.ru
Klenova_tatiana@mail.ru

Annotation. *The article analyzes the environmental criminal policy and norms on environmental crimes of the criminal legislation of the Russian Federation. On the basis of the system analysis of the sanctions of the articles of Chapter 26 of the Criminal code of the Russian Federation, it is concluded that the state power does not take enough into account the social danger of environmental crimes and assesses them from an economic standpoint, as if they were committed in the sphere of economic activity. According to the author, the criteria of the correct environmental criminal policy is the security of not only the individual and society, but also the state. Environmental crimes threaten state security because they have a devastating impact on the population and territories (the basic components of the state). In accordance with the purpose of ensuring environmental safety, the tasks of guaranteeing the rational use of natural resources in accordance with the laws of the organization of life, as well as environmental protection, should be carried out.*

Keywords: *environmental crimes, environmental criminal policy, sanctions of norms on environmental crimes, criminal liability of legal entities.*

В Российской Федерации нет общего нормативного правового акта о национальной программе (стратегии) противодействия преступности. В ряду специальных нормативных правовых актов, определяющих стратегию уголовной политики в отношении конкретных видов преступной деятельности (Национальная стратегия противодействия коррупции, утв. Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 и др.), отсутствует акт о противодействии экологической преступности, несмотря на ее повышенную общественную опасность.

К сожалению, экологическая уголовная политика осуществляется и без опоры на научно обоснованные стратегии или концепции.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не восполняет недостатка источников экологической уголовно-правовой политики. Исходя из текста его статей, невозможно понять,

как государственная власть решает стратегические вопросы о целях и средствах реагирования на распространение экологической преступности.

Информационную базу, с учетом которой можно судить о реальных направлениях современной экополитики в связи с предупреждением экологических преступлений, составляют законы, изменяющие и дополняющие статьи настоящего Кодекса, и статистика осуждения лиц за соответствующие преступления.

Всего в главе 26 УК РФ восемнадцать статей, устанавливающих уголовное наказание за экологические преступления (по состоянию на время принятия настоящего Кодекса было семнадцать статей). К экологическим преступлениям отнесены: нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246), нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247), нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами (ст. 248), нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 249), загрязнение вод (ст. 250), загрязнение атмосферы (ст. 251), загрязнение морской среды (ст. 252), нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации (ст. 253), порча земли (ст. 254), нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255), незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256), нарушение правил охраны водных биологических ресурсов (ст. 257), незаконная охота (ст. 258), незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 258.1), уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации (ст. 259), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261), нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262).

В вышеназванных статьях явно усматривается смещение вектора уголовной политики на криминализацию не реального

совершения общественно опасного деяния и причинения общественно опасных последствий, а нарушения норм, отраженных бланкетными признаками состава преступления. Такой подход не соответствует конвенционному уголовно-экологическому законодательству, в соответствии с которым в национальном уголовном законодательстве необходимо учитывать общественную опасность экологических преступлений и расширять их перечень ответно к появлению новых видов отклоняющегося существенно значимого экологического поведения. Так, Директива Европейского парламента и Совета 2008/99/ЕС «Об охране окружающей среды уголовным правом», принятая 19 ноября 2008 г., обязала государства – члены ЕС признать экологическими преступлениями, в частности, торговлю образцами охраняемых видов дикой фауны и флоры или их частями или продуктами; любое поведение, приводящее к уничтожению мест обитаний на особо охраняемой природной территории; производство, ввоз, вывоз, введение в оборот или использование веществ, разрушающих озоновый слой; подстрекательство к совершению умышленного экологического преступления и пособничество в его совершении.

О. Л. Дубовик заключает, что запреты, установленные в статьях главы 26 УК РФ, не оказали эффективного предупредительного воздействия, и предлагает учитывать результаты специального исследования состояния, структуры и динамики экологической преступности, которое было осуществлено в начале 2000-х гг. в странах Европейского союза и в России. Это исследование позволило выявить новые разновидности преступного эколого-значимого поведения, в первую очередь незаконную торговлю окружающей средой, опасность которой обуславливает необходимость введения соответствующих запретов и наказаний в национальное уголовное законодательство [1, с. 36].

В статьи главы 26 УК РФ ради совершенствования, или для приведения в соответствие с меняющейся реальностью, или с целью решения политико-тактических задач одновременно вносились многочисленные изменения и дополнения, что само по себе подтверждает, что возможности уголовного закона усиленно используются в государственном управлении без достижения желаемых результатов.

В соответствии с федеральными законами от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, от 6 мая 2010 г. № 81-ФЗ, от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ, от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ, от 21 июля 2014 г. № 277-ФЗ, от 13 июля 2015 г. № 267-ФЗ, от 3 июля 2016 г. № 330-ФЗ, от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ, от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ, изменялись в основном не диспозиции, а санкции статей. Например, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ были изменены санкции всех статей этой главы, причем под влиянием разных тенденций: одни смягчены, другие усилены. Так, наказание за нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений, усилено в части наказаний, альтернативных лишению свободы (ст. 246 УК РФ), а наказание за загрязнение вод, сопряженное сотягчающими обстоятельствами, смягчено в части тех же альтернативных наказаний (ч. 2 и 3 ст. 250 УК РФ). Смягчение наказания в основном выразилось во введении в санкции альтернативных лишению свободы наказаний в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ и принудительных работ, а также в снижении пределов санкции. Нижний предел был исключен даже из санкции ч. 3 ст. 247 УК РФ, таким образом, за производство запрещенных видов опасных отходов, транспортировку, хранение, захоронение, использование или иное обращение радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с нарушением установленных правил, если эти деяния повлекли по неосторожности смерть человека либо массовое заболевание людей, суд может назначить наказание в пределах от двух месяцев до восьми лет лишения свободы.

Вместе с тем есть примеры с курсом на усиление репрессии: Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ была введена ст. 258.1 «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации»; Федеральным законом от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ в эту статью введены ч. 1.1, 2.1 и 3.1, при этом максимальное наказание повысилось до девяти лет лишения свободы. В соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 330-ФЗ, усилено наказание за незаконную

добычу (вылов) водных биологических ресурсов путем включения в санкцию альтернативного наказания в виде лишения свободы, а в части третьей, где это наказание уже было, повышен его срок: было – до двух лет, стало – до пяти лет. Также Федеральным законом от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ усилилась репрессивность нормы ст. 258 «Незаконная охота»: было – до двух лет, стало – до пяти лет.

Можно сделать вывод, что происходит расширение пределов судейского усмотрения путем развития альтернативности санкций и понижения и (или) повышения пределов санкций.

В главе 26 УК РФ, с учетом изменений и дополнений, средне-статистическая санкция статей – это санкция, во-первых, относительно-определенная, с исключенным нижним пределом, во-вторых, альтернативная, включающая штраф.

В подавляющем большинстве санкций статей главы 26 УК РФ в качестве альтернативного наказания определяется штраф – самое мягкое наказание, как это следует из ст. 44 УК РФ. Наблюдается тенденция расширения ряда преступлений, где штраф определен альтернативным лишению свободы наказанием. По состоянию на время принятия УК РФ таких санкций в главе «Экологические преступления» было 20, в настоящее время – 31, то есть 69 % от общего числа санкций статей настоящей главы Кодекса.

Судя по высокому удельному весу санкций со штрафом за экологические преступления, эти преступления оцениваются законодателем с экономических позиций, как если бы они совершались в сфере экономической деятельности.

Государственная власть явно недооценивает опасность экологических преступлений. В ч. 2 ст. 9 Конституции Российской Федерации утверждается, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. В санкциях же действующего уголовного закона не отражена высокая значимость объекта экологических преступлений.

По оценкам экспертов, экологическая ситуация в России стремительно ухудшается [2]. Очевидно, что ухудшение ситуации связано с экологическими преступлениями, однако статистика зарегистрированной экологической преступности невелика. Большое удивление вызывает то, что этот показатель уменьшается.

В соответствии с данными Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за преступления, предусмотренные ст. 246–262 УК РФ, в 2016 г. были осуждены 9 479 человек, а в 2017 г. – 7 825. Для сравнения: в 2009 г. были осуждены 20 644 человека. В 2016 г. лица, совершившие экологические преступления, чаще всего осуждались к лишению свободы и исправительным работам условно – 3 082 (32,5 % от общего числа осужденных за экологические преступления) и штрафу реально – 2 775 (29,3 % от общего числа осужденных за экологические преступления). В 2017 г. показатель условного осуждения вырос – 3 708 (47,3 % от общего числа осужденных за экологические преступления) – и уменьшилась доля осужденных к штрафу – 18,9 % (1 478 осужденных), при этом штраф остался наиболее часто применяемым реальным наказанием.

Как и в предыдущие годы, подавляющее число от общего количества осужденных составили лица, осуществившие незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и незаконную охоту.

При всех функциональных недостатках наказания нельзя не признать его необходимым средством охраны общественных отношений от экологических преступлений, представляющих повышенную общественную опасность. То, что деяния, связанные с производством работ и оборотом экологически опасных веществ и отходов, а также другие деяния, в виде торговли природными ресурсами и порчи земли, средств питания, загрязнения атмосферы, не квалифицируются преступлениями и не наказываются, – очевидный недостаток современной уголовной политики.

Известно мнение, что для активизации применения статей об экологических преступлениях нужно в законодательном порядке распространить уголовную ответственность на юридических лиц. Такое решение предложено и в конвенционных нормах. Однако необходимо отметить, что совершение многих экологических преступлений с тяжкими последствиями становится возможным при участии государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций. Очевидно, нормы об уголовной ответственности юридических лиц не будут применяться к названным адресатам.

И еще, уголовная ответственность юридических лиц не является заменой уголовной ответственности физических лиц.

Не кажется случайным, что один из сторонников установления уголовной ответственности юридических лиц за преступления против экологической безопасности, А. М. Максимов, предлагая к обсуждению проекты статей в главу 26 УК РФ, не учитывает собственной рекомендации о расширении круга субъектов уголовной ответственности, зато для нескольких видов преступлений предусматривает особо квалифицирующий признак состава – использование должностным лицом своего служебного положения. Этот же автор со ссылкой на обобщение практики признал, что нарушителями законов при использовании природных ресурсов в основном являются чиновники и бизнесмены [3, с. 172, 187–191].

При данных обстоятельствах возникают обоснованные сомнения, нужно ли замещать уголовную ответственность должностных лиц и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, уголовной ответственностью юридических лиц.

Уголовная (уголовно-правовая) политика – это сложный вид деятельности государства, включающий определение целей, задач и принципов реагирования на преступления уголовно-правовыми средствами, а также использование уголовно-правовых средств в соответствии с избранной целью, задачами и принципами деятельности.

Применительно к экологическим преступлениям целью уголовной политики нередко называется охрана окружающей среды. Однако экологические преступления совершаются вопреки закономерностям взаимодействия человека и окружающей среды, что опасно не только для окружающей среды, но и, прежде всего, для здоровья отдельных людей и в целом населения. Об актуальности задачи определения экологических преступлений не только как деяний, умаляющих природные блага, но прежде всего как деяний, подрывающих биологические основы жизни и здоровья человека, убедительно пишет Э. Н. Жевлаков [4, с. 55]. Кроме того, экологические преступления угрожают государственной безопасности, поскольку разрушающе воздействуют на население и территории (базовые компоненты государства).

Таким образом, уголовная политика противодействия экологической преступности должна быть нацелена на обеспечение безопасности личности, общества и государства при использовании природных ресурсов (экологическая безопасность). В соответствии с целью обеспечения экологической безопасности должны выполняться задачи гарантирования рационального использования природных ресурсов в соответствии с закономерностями организации жизни, а также охраны окружающей среды.

Насколько обеспечена безопасность личности, общества и государства при использовании природных ресурсов, настолько и правильна уголовная политика противодействия экологической преступности.

Обновление законодательства само по себе не обозначает перестройку общественных отношений и поведения людей и не гарантирует сдерживания преступности. Для повышения качества управления общественными процессами необходимо оптимизировать взаимодействие государства и общества с позиции социальной ориентированности целей уголовной политики и понимания уголовно-правовой нормы не в качестве средства охраны других правовых норм, а как социального ресурса.

Библиографический список

1. Экология и уголовное право: поиск гармонии : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной подготовке XXII Олимпийских зимних и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи (Геленджик, 6–9 октября 2011 г.) / под ред. В. П. Коныхина и М. Л. Прохоровой. Краснодар : ЭДВИ, 2011. 612 с.
2. Яблоков А. В. Глубину экологического падения представить страшно. URL : http://rus-green.ru/video_yablokov (дата обращения: 22.11.2017).
3. Максимов А. М. Обеспечение безопасности животного мира: уголовно-правовые и криминологические модели. М. : Юрлитинформ, 2015. 328 с.
4. Жевлаков Э. Н. О разграничении экономических и экологических преступлений: теория, законодательство, практика // Уголовное право. 2017. № 2. С. 55–63.

References

1. Environment and criminal law: searching for harmony: materials of International scientific.-pract. conf. devoted to preparation of the XXII Winter Olympic Games and XI Paralympic Winter Games 2014 in Sochi (Gelendzhik, October 6–9, 2011) / ed. by V. P. Konyahin and M. L. Prokhorova. Krasnodar : EDVI, 2011. 612 p.
2. Yablokov A. V. Depth environmental fall imagine. URL : http://rus-green.ru/video_yablokov (accessed November 22, 2017).
3. Maksimov A. M. Security of the animal world: criminal law and criminological models. M. : Yurlitinform, 2015. 328 p.
4. Zhevlakov E. N. On differentiation between economic and environmental crime: theory, legislation, practice // Criminal law. 2017. № 2. P. 55–63.

ЭКОЦИД В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО, ЗАРУБЕЖНОГО И РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Коняхин Владимир Павлович,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена экоциду и его месту в системе преступлений по международному, зарубежному и российскому уголовному праву. В ней акцентируется внимание на исключительной опасности данного международного преступления, достаточно сложном его характере и весьма обширной источниковой (нормативной) базе. Проведенное исследование позволило сформулировать ряд выводов, направленных на дальнейшее совершенствование легального описания экоцида как на международном, так и на внутригосударственном (зарубежном и российском) уровнях.